

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XIV¹⁾.

Три русскихъ издателя.

Г-жа Новикова сотрудничала, болѣе или менѣе постоянно, въ московской прессѣ 25 лѣтъ. По временамъ она писала статьи и для „Новаго Времени“. Большая часть ея статей и писемъ посвящена была главной цѣли: знакомить Россію съ Англіей. Когда ей становились противны безумія англійскаго джингоизма, ея описанія великобританцевъ были далеко не лестны; но ею всегда руководило желаніе представить русской публикѣ лучшую сторону Англии, въ надеждѣ создать расположеніе къ англо-русскому соглашенію. Русской ея работѣ соотвѣтствовала ея работа въ Англии, она была архитекторъ, строящій мостъ, одновременно, съ обоихъ береговъ рѣки.

Главный ея издатель и другъ — которому одному сначала было извѣстно, что подъ тайнственными буквами „О. К.“ скрывается Ольга Алексѣевна Новикова, былъ Катковъ. Почти четверть вѣка онъ стоялъ во главѣ русской печати. Ольга Алексѣевна, не разъ публично, воздавала дань ему.

Въ 1877 г. она писала:—„Московскія Вѣдомости“—русскій „Таймсъ“, въ одномъ смыслѣ, но не въ другомъ. Это первая газета въ Имперіи, но она скорѣе руководитъ мнѣніемъ публики, чѣмъ слѣдуетъ за нимъ. „Таймсъ“ мѣняется по временамъ. Московская газета упорно придерживается своего воззрѣнія.

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1914 г.

„Таймсъ“ безличенъ, анонименъ. Московская же газета это Катковъ точно такъ же, какъ Катковъ — Московская газета. Хотя онъ имѣетъ очень дѣльныхъ помощниковъ, его индивидуальностью проникнута вся газета.

Очень немногіе имѣли такое огромное вліяніе на ходъ событій въ Россіи со времени освобожденія крестьянъ, какъ этотъ бывший профессоръ философіи Московскаго университета. Истинный русскій, женатый на княжнѣ Шаликовой, дочери поэта, онъ одно время такъ восхищался Англійей и англичанами, что друзья упрекали его въ англоманіи. Блестящій авторъ, ученый профессоръ, безстрашный журналистъ, онъ обязанъ своей извѣстностью тому, что онъ болѣе всѣхъ другихъ воплощалъ національныя стремленія при трехъ кризисахъ въ Русской Имперіи.

Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ особенно взывалъ къ патриотизму Россіи. Польша слова увлекалась безумнымъ планомъ, не только отдѣлиться самой отъ Россіи, но и захватить одновременно въ свою власть несомнѣнную часть — Смоленскъ и Кіевъ и ввести тамъ конституцію. Естественно, что произошло сильное столкновеніе съ правительствомъ. Но имъ воспользовалась Европа для дерзкой агитаціи противъ Россіи, однимъ изъ главныхъ руководителей которой былъ Наполеонъ III-ій.

Кстати, надо припомнить, что ему за это дорого пришлось поплатиться во время его войны съ Германіей, когда Россія подкрѣпила послѣднюю, отозвавъ всѣ свои войска изъ германской границы.

Недаромъ, старый императоръ Германіи, по заключеніи мира съ Франціей, послалъ русскому Монарху самую благодарственную телеграмму, напечатанную во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ.

Въ 1863 году посыпались дипломатическія депеши со всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. Дѣло дошло даже до того, что маленькая Португалія и варварская Турція позволили себѣ учить насъ, какъ умиротворить Польшу. Естественно, что русскіе были глубоко оскорблены и возмущены подобнымъ вмѣшательствомъ Европы въ ея внутреннія дѣла. „Не хозяйева ли мы въ своемъ домѣ“? Что мы, вассалы запада, что ли? Эти вопросы кипѣли въ каждой русской груди, и раздраженіе было такъ велико, что все было забыто, исключая суровой рѣшимости отстаивать національную независимость. Тутъ смѣло выступилъ Катковъ, олицетворяя своими статьями мысли многомилліон-

ной Россіи и выражая ея патріотическій энтузіазмъ. Когда гроза миновала и опасность войны была совершенно устранена, благодаря независимой энергичной политикѣ, проповѣдуемой Катковымъ, смѣлый выразитель національныхъ чувствъ заслужилъ глубокую признательность своихъ соотечественниковъ; такимъ уваженіемъ не пользовался ни одинъ публицистъ въ Россіи. Нѣсколько лѣтъ спустя Катковъ опять является на сцену. Вопросъ о классическомъ образованіи возбуждалъ повсюду всеобщій интересъ въ Россіи, и Московская газета была авангардомъ въ этой борьбѣ, кончившейся полной побѣдой партіи классицизма. Г-жа Новикова передаетъ, какъ однажды Катковъ пріѣхалъ къ ней весь взволнованный, говоря: „классическимъ языкомъ учать во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы: Германіи, Англіи, Франціи и проч. Никто тамъ не думаетъ толковать, что это изученіе подрываетъ здоровье дѣтей, что его нужно избѣгать, какъ смерти. А у насъ въ Россіи, гдѣ дѣти, съ самаго рожденія, привыкли къ суровому климату и суровой пищѣ, и, конечно, не изнѣжены, вдругъ пицагъ о какомъ-то переутомленіи, о неспособности русскихъ дѣтей учиться! Ну, что можетъ быть несправедливѣе и возмутительнѣе и глупѣе этого“? Катковъ отстаивалъ это дѣло и нашелъ вѣрнаго сподвижника въ лицѣ министра Народнаго Просвѣщенія, графа Дмитрія Толстого. Однимъ изъ результатовъ этой побѣды было основаніе „Лицея Великаго Князя Николая, въ память покойнаго Наслѣдника Цесаревича“. Катковъ и Леонтьевъ, его alter ego, очень умный человекъ, также бывший вмѣстѣ профессоръ Москов. университета, управляли этимъ заведеніемъ; послѣ смерти Леонтьева, Катковъ завѣдывалъ имъ одинъ. „Другая заслуга немаловажная Каткова, его поддержка одной изъ выдающихся женщинъ въ Россіи г-жи Софьи Николаевны Фишеръ, основавшей, въ Москвѣ, первую замѣчательную классическую женскую гимназію. Это заведеніе служитъ доказательствомъ способности и характера Русской женщины.

Третій случай, когда Катковъ своей газетой оказалъ большую услугу Россіи, былъ при славянскомъ волненіи, во время Турецкой войны. Онъ никогда не принадлежалъ къ славянофильской партіи, но когда Сербская война вызвала у насъ подъемъ національныхъ чувствъ, онъ всецѣло отдался славянскому дѣлу. Онъ руководилъ, управлялъ и поддерживалъ, въ своей газетѣ, тревожное настроеніе русскаго мнѣнія. „Московскія Вѣдомости“ снова стали показателями національной идеи и

сохранили, до его смерти, въ 1887 году, это почтенное положеніе.

Кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковъ издавалъ ежемѣсячный литературный журналъ „Русскій Вѣстникъ“. Онъ былъ извѣстенъ своимъ острымъ слогомъ и мѣткостью нападокъ. Смѣлость, съ которой онъ, въ интересахъ своей страны, нападалъ иногда на правительство, вовсе не мѣшала ему получать милости отъ Государыни:

Старшая дочь его получила шифръ, онъ—4-ый классъ и ему предлагались самыя высшіе посты, отъ которыхъ онъ отказывался, чтобы не разстаться со своей газетой.

Послѣ смерти Каткова, говоритъ Стэдъ, г-жа Новикова помѣстила двѣ статьи въ Пэлъ-Мэлъ газетѣ, посвященныя его памяти. Онѣ появились 17 и 21 декабря. Слѣдующія выдержки касаются литературной и философской дѣятельности издателя:

„Катковъ родился 1-го ноября 1818 г.; едва минуло его совершеннолѣтіе, онъ далъ первый образецъ своего литературнаго таланта, пославъ въ одинъ изъ Петербургскихъ журналовъ переводъ нѣмецкой статьи Фарнгагенъ фонъ-Энса о Пушкинѣ.

„Нашъ великій поэтъ“, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, „нашелъ наконецъ откликъ въ сердцахъ Германской Пруссіи. Можетъ ли не забиться отъ радости и гордости сердце каждаго Русскаго, читая дань удивленія Германскаго біографа и критика? Мало бываетъ такихъ минутъ восторга въ нашей жизни, какъ тѣ, которыя мы испытали, при чтеніи этихъ благородныхъ откликовъ Пушкину—нашему собственному, великому Пушкину! Быть можетъ у нѣкоторыхъ возбудятъ улыбку наши увѣренія, что Пушкинъ всемірный поэтъ, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ все человѣчество смотритъ съ благоговѣніемъ. Пусть будетъ извѣстно, что эти взгляды выражаются не одними нами, но иностранцемъ, не связаннымъ національнымъ пристрастіемъ или предубѣжденіемъ. Представляемая статья напечатана въ Берлинскомъ обзорѣни, подъ названіемъ: *Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik*, основанномъ Гегелемъ, этимъ великимъ философомъ, осуществившимъ сильное интеллектуальное теченіе, стремленія разума. Теперь оно издается людьми достойными своего учителя. Посредствомъ Гегеля, Германія протягиваетъ руку Россіи,—Германія, представляющая всю научную Европу, все человѣчество.

Вскорѣ молодой Катковъ сдѣлался извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета, послѣ двухъ-лѣтняго пребы-

ванія въ Берлинскомъ университетѣ. Его непринужденная рѣчь, глубокія знанія, стремленіе къ высокимъ идеямъ и доктринамъ вскорѣ собрали вокругъ него много восторженныхъ учениковъ.

Къ несчастью, какія-то глупыя ограниченія въ преподаваніи философіи заставили Каткова, не колеблясь, подать въ отставку, не желая никакого компромисса съ своею совѣстью. Но человѣкъ съ его дарованіями и энергіей не могъ оставаться празднымъ! не можетъ пропадать. Въ 1856 г. онъ сталъ издавать лучшей Московскій журналъ „Русскій Вѣстникъ“. Его расположеніе къ Англіи стало однимъ изъ руководящихъ направленій журнала. Маколей и англофилъ Токвиль часто цитировали его. По этому поводу его прозвали Лордъ Катковъ. Но развитіе системы англійскаго парламентаризма, недостатокъ устойчивости въ англійскихъ правительствахъ, потокъ рѣчей, льстивое отношеніе къ избирателямъ, измѣнили англоманію его юности, раньше чѣмъ правленіе Биконсфильда уничтожило симпатію и довѣріе Россіи къ Англіи. Но тутъ въ Россіи проявилось болѣзненное стремленіе къ крайностямъ. Маколея считали недостаточно передовымъ, Токвиль былъ слишкомъ англичанинъ въ своей умѣренности“ и т. д.

„Агностицизмъ и позитивизмъ считались вдругъ послѣдними требованіями науки, какъ объ этомъ заявлялось. Катковъ понялъ съ ужасомъ всю невѣжественность такихъ взглядовъ. Онъ зналъ, что такой радикализмъ можетъ погубить Россію, онъ какъ бы предвидѣлъ нигилизмъ, развившійся впоследствии, не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ, это его огорчало и пугало въ особенности потому, что онъ хорошо зналъ впечатлительность своихъ соотечественниковъ: безпечные, самоотверженные россияне никогда не останавливаются на полпути. Эта черта, дурно направленная, можетъ сдѣлаться роковой у насъ. Вы можете часто видѣть въ Англіи и въ Германіи людей, безъ всякой религіозной или нравственной вѣры, но они никому не вредятъ своими отношеніями, просто потому, что ихъ удерживаютъ установленные авторитеты и условности.

Такія оковы не сдерживаютъ русскаго человѣка: Намъ нужно что-нибудь твердое, религіозный „категорическій императивъ“, какъ нѣмцы говорятъ. Для насъ особенно опасны ультра-радикальныя правила. Катковъ сталъ смѣло и страстно бороться, какъ только можетъ бороться человѣкъ съ сильнымъ убѣжденіемъ и съ нравственной доблестью. Онъ вскорѣ, конечно, сдѣлался ненавистенъ, обвиняемъ въ обскурантизмѣ и жестоко оклеветанъ. Несмотря ни на что, онъ продолжалъ свое дѣло,

нападая на заблужденія и иногда приводя въ ужасъ нашихъ близорукихъ цензоровъ, напрасно пытавшихся его остановить. Наконецъ покойный Императоръ Александръ II объявилъ, что онъ самъ будетъ цензоромъ Каткова. Катковъ понялъ милость Государя, но продолжалъ выражать открыто свои мысли, не щадя ни министровъ, ни учреждений.

21 декабря 1887 г.

Послѣ блистательной роли Каткова, въ Польскомъ кризисѣ, была открыта добровольная подписка на поднесеніе ему серебряной фигуры, изображающей Русскаго, древнихъ временъ, который держитъ развернутое знамя съ надписью: „Единеніе Россіи“.—Поднесеніе это было сдѣлано многочисленной депутаціей, патріотическому издателю „Московскихъ Вѣдомостей“. Катковъ былъ чрезвычайно требователенъ къ вѣрности своихъ фактовъ, взвѣшивалъ и изслѣдовалъ ихъ съ большой заботой, но разъ онъ убѣждался въ ихъ точности, онъ боролся съ неизмѣнной смѣлостью, т. к. правда всегда была на его сторонѣ, то онъ и оказывался почти всегда правъ, а его противники, какъ бы высоко ни было ихъ положеніе, всегда проигрывали. Такъ его мнѣніе получило перевѣсъ въ желѣзнодорожномъ вопросѣ и въ вопросѣ Балтійскаго Порта въ Либавѣ, въ линіи Кіевъ—Варшава, противъ мнѣнія генераль-губернатора Коцебу, чѣмъ Катковъ лишилъ Кенігсбергъ большей части его прежней торговли.

„Даръ предвидѣнія у Каткова, иногда, былъ необыкновенный. Какъ-то, въ прошломъ февралѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ. „Я, говоритъ г-жа Новикова, ему передала, что за-границей считаютъ вѣроятнымъ назначеніе Принца Кобургскаго правителемъ Болгаріи“. Но, вѣдь, это слишкомъ рискованное орудіе въ рукахъ іезуитовъ и Австріи, это невозможно“, воскликнула я.

„Конечно“, отвѣчалъ онъ, это было бы несчастьемъ для бѣдной Болгаріи, оно подвергло бы опасности ея церковь и ея національность, но я не удивлюсь, если это случится“. Увы! онъ былъ правъ. Ничто не можетъ быть больнѣе русскому человеку, какъ видѣть угрожаемой судьбу нашихъ православныхъ братьевъ и думать, что всѣ наши жертвы не спасли ихъ отъ печальнаго хаоса и анархіи. Но не будемъ отчаяваться. Политическая, какъ и частная жизнь, имѣетъ свои испытанія и борьба иногда помогаетъ выработать характеръ. Опасностей можно избѣгать только тогда, когда ихъ сознаешь. Катковъ

цѣнилъ роль Франціи и Болгаріи и видѣлъ въ ея политикѣ причину для дружескаго соглашенія съ нею; а къ Германіи, съ той минуты какъ онъ увидѣлъ ея склонность поддерживать интриги Австріи, онъ сталъ относиться подозрительно.

„Катковъ умеръ отъ переутомленія. Онъ не позволялъ своей женѣ или друзьямъ уговаривать его дать себѣ самый короткій отдыхъ. „Нечего говорить объ отдыхѣ“, отвѣчалъ онъ, „у меня на это нѣтъ времени, у меня лицей, газета и журналъ. Не будемъ говорить объ отдыхѣ“, и такъ онъ продолжалъ работать, пока смерть не положила этой работѣ конецъ. Онъ умеръ слишкомъ рано. Россія оплакивала эту потерю съ рѣдкимъ, для частнаго лица, выраженіемъ ему уваженія и чувства. Трогательно было видѣть эти чувства народа, во главѣ съ митрополитомъ московскимъ и главнымъ духовенствомъ. Государь прислалъ депешу его вдовѣ, выражая ей свое сочувствіе и сожалѣніе и называя его смерть „національной потерей“. Въ этомъ также Его Величество показалъ себя вѣрнымъ представителемъ своего народа“.

Г-нъ Гринмутъ принялъ на себя, какъ завѣдываніе классическимъ лицеемъ Наслѣдника Цесаревича Николая, такъ и издательствомъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Г-жа Новикова говоритъ:

„Несмотря на иностранную фамилію, не было болѣе преданнаго православнаго и монархическаго патріота, какъ Гринмутъ. Этимъ онъ возбуждалъ вражду, а иногда и ненависть нигилистической и конституціонной партій. Эта ненависть сильно возросла во время революціонныхъ безпорядковъ въ Москвѣ, домъ его былъ окруженъ баррикадами и кричащей чернью. Не уступая ни въ чемъ, онъ публикуетъ свою монархическую программу: „Православіе, Самодержавіе и патріотизмъ“ были его лозунгомъ. Сначала его попытка казалась безнадежной, но этотъ смѣлый, благородный человѣкъ не зналъ страха и настаивалъ на своемъ. Успѣхъ былъ такъ же великъ, какъ неожиданъ. Вокругъ него собрались не тысячи людей, а десятки тысячъ“.

Г-жа Новикова угадывала его самоотверженный патріотизмъ и всегда говорила, что онъ удивительный человѣкъ. Либералы его ненавидѣли... Мнѣ не могли простить крайніе лѣвые, говорить Стэдъ, что я написалъ статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ похвалу думѣ въ 1905 г. Они ничего не имѣли противъ содержанія статьи; вина моя, главнымъ образомъ, была въ томъ, что я ее помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Мое мнѣніе, что Гринмутъ замѣчательно способный человѣкъ.

Никто не могъ быть откровеннѣе его въ тотъ моментъ, когда онъ думалъ, что дѣло, настойчиво поддерживаемое имъ, слабо и никто изъ консерваторовъ яснѣе его не понималъ необходимости организовать и воспитать избирательное право. Онъ былъ живой человѣкъ, тогда какъ большая часть людей, называвшихся консерваторами монархической партіи, казались парализованы. Въ конституціонной странѣ должна бы непременно существовать хорошо организованная консервативная оппозиція, также какъ хорошо организованная либеральная партія. Гринмутъ видѣлъ нужду въ организаціи и основалъ свою монархическую партію, прозванную революціонерами „черносотенцами“, особенно имъ ненавистными. Это былъ очень важный шагъ.

Этотъ шагъ былъ почти первымъ, со стороны консерваторовъ, чтобы принять участіе въ поддержаніи устойчивости государства и власти Царя.

Катковъ не всегда, въ своей газетѣ, соглашался съ другимъ издателемъ Ольги Алексѣевны, Иваномъ Аксаковымъ, его газета „Русь“—органъ славянофильскій и г-жа Новикова такъ объясняла разницу между своими двумя издателями.

„Панславянское ученіе состоитъ изъ трехъ великихъ догматовъ, говоритъ она: православная церковь, зависящая единственно отъ Вселенскаго Собора, и другой главы не имѣющая; Самодержавіе, представляющее главное стремленіе нашей націи и дѣйствующее, какъ охрана нашей чести и благосостоянія; и національная партія, основанная на этихъ двухъ принципахъ, поддержать которые долгъ каждого честнаго русскаго человѣка.

„Есть оттѣнки въ ихъ мнѣніяхъ. Аксаковъ былъ болѣе экспансивенъ, болѣе силенъ и горячъ въ славянскихъ и древнерусскихъ взглядахъ и получилъ названіе славянофила, тогда какъ Каткова, благодаря его западной культурѣ, называли одно время западникомъ. Но надо помнить, что разногласіе существовало только во внутренней политикѣ. Когда Аксаковъ умеръ, Катковъ скавалъ: „Мы расходились во многомъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но никогда ни въ чемъ, что касалось чести и достоинства Россіи“.

„Чтобъ опредѣлить положеніе этихъ двухъ людей въ исторіи, необходимо правильное понятіе о ихъ времени. Въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, образованная часть русскаго общества, представленная большею частью Москвой, не интересовалась внѣшней политикой и вопросами, дня скоро преходящими. Люди мыслящіе больше интересовались вопросами философіи, богословія, наукъ, искусствъ и ихъ основаніями. Од-

нимъ изъ важныхъ предметовъ того времени—былъ вопросъ, какую роль должна играть „національность въ наукѣ“? Говорили—наука всемірна, не ограничена національностью. Славяне настаивали на противномъ. Западники держались первой теоріи. Другой предметъ былъ:—вредны ли или полезны были реформы Петра и иностранное вліяніе на развитіе и культуру Россіи“.

Славянофилы порицали ее, „западники“ защищали. Эти два противоположныя теченія боролись больше изъ-за вѣчныхъ принциповъ, чѣмъ изъ-за маловажныхъ интересовъ минуты. Глупыхъ споровъ за положеніе, карьеры, ордена, поклоненія деньгамъ мало замѣчалось у этихъ людей сороковыхъ годовъ; къ несчастью недолго длилось это блаженство. Крымская война заставила ихъ сдѣлаться практичнѣе. Аксаковъ поступилъ въ милицію. Послѣ войны онъ долженъ былъ, для своего существованія, сдѣлаться директоромъ банка, т. к. все свое состояніе онъ отдалъ матери и шести сестрамъ. Съ банковскимъ дѣломъ, мало ему свойственнымъ, онъ соединилъ издательство „Руси“.

Въ западной Европѣ онъ былъ неизвѣстенъ, говоритъ Стэдъ, пока г-жа Новикова не напечатала переводъ его воззванія къ Московскому Славянскому комитету, во время турецкой войны 76—78 г.г.

Она съ гнѣвомъ опровергала нелѣпое обвиненіе Аксакова въ лидерствѣ революціи въ Россіи. Она пишетъ: „Какъ одна изъ многочисленныхъ друзей Аксакова, я позволяю себѣ сказать, что никогда не существовало такого чудовищнаго обвиненія. Аксаковъ не придворный, но искренно вѣрноподанный. Жена его была фрейлиной Государыни Маріи Александровны и воспитательницей Герцогини Единбургской, онъ самъ, хотя оклеветанъ въ туркофильскихъ газетахъ, какъ Русскій Мазини, никогда въ жизни не пойдетъ противъ Царя. Простой, честный, восторженный, прекрасный поэтъ, Аксаковъ не злоумышленникъ, онъ представитель Русскихъ Славянъ, которыми былъ избранъ предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго комитета съ однимъ только голосомъ противъ него. Очень удивлялись и этому единственному голосу, но оказалось, что этотъ голосъ былъ его собственный.“

Упреки Аксакова по адресу русскихъ дипломатовъ, на Берлинскомъ конгрессѣ, которыхъ онъ обвинялъ въ измѣну славянскому дѣлу, возбудили требованіе объ удаленіи его, на время, въ имѣніе. Это официальное требованіе было предметомъ большого

смѣха. „Я готовъ повиноваться, но, къ несчастью, у меня нѣтъ ни кола, ни двора“, сказалъ Аксаковъ, что не мало удивило чиновника. Сестра его жены Екатерина Тютчева спасла положеніе, пригласивъ его съ семьей въ свою подь-Московную. Банкъ ждалъ его возвращенія и уплатилъ жалованіе за время его отсутствія. Онъ пожертвовалъ деньги въ фондъ патриотической благотворительности.

Аксаковъ былъ честный человекъ, смѣлый, неподкупный идеалистъ. Г-жа Новикова и ея братъ Александръ Кирѣевъ остались въ числѣ немногихъ представителей его школы.

Одинъ разъ, въ Петербургѣ и разъ въ Москвѣ, говоритъ Стэдъ, многочисленныя собранія Славянскаго комитета восторженно заявили объ услугахъ, оказанныхъ ихъ дѣлу г-жей Новиковой. Она была единогласно избрана почетнымъ членомъ комитета, — честь, которой она очень дорожить. Это было совершенно неожиданно. Она сидѣла съ графиней Игнатъевой, въ числѣ слушателей, въ первомъ ряду на большомъ собраніи, въ Петербургѣ, какъ вдругъ предсѣдатель, генералъ Игнатъевъ, поразилъ ее тѣмъ, что коснулся въ самыхъ блестящихъ выраженіяхъ страстнаго патриотизма тѣхъ, кто не довольствуется дѣйствіями на пользу славянъ дома, но отправляются въ чужія земли, чтобы тамъ за нихъ бороться. Къ ея великому удивленію, онъ вдругъ обратился къ ней и, указывая собранію на нее, публично поднесъ ей значекъ комитета и сказалъ: „Гг., между нами находится одна изъ самыхъ блестящихъ и преданныхъ защитницъ нашего святого дѣла. Прошу васъ признать все, что она сдѣлала“. Несмолкаемые аплодисменты собранія доказали, что графъ Игнатъевъ справедливо передалъ чувства слушателей.

Это была заслуженная дань: Ольга Алексѣевна неустанно работала въ пользу Россіи и славянъ.

Позднѣе, такая же сцена повторилась въ Москвѣ; г. Гринмутъ, основатель монархической партіи, тоже поднесъ ей почетный знакъ своего общества.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

